
ТИП ТЕКСТА “КИНОФИЛЬМ” И ЕГО ФУНКЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

(Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (Опыт лингвокультурологического анализа) / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. – М.: Водолей Publishers, 2004. - 153 с.)

Л. И. Гришаева

Воронежский государственный университет

На обороте обложки рецензируемой книги издатель, очевидно, с ведома авторов поместил чрезвычайно дискуссионный абзац, содержание которого в несколько иной форме передает зачин предисловия к монографии [1, 4]. Этот абзац призван, с одной стороны, в обобщенном виде представить квинтэссенцию идей, обсуждаемых в предлагаемом читателю издании, и, с другой стороны, привлечь потенциального читателя к приобретению книги и тем самым – к дискуссии о месте кинотекста как особого типа в общей типологии текста, о его функции, особенностях структуры, о его “культурноносном” потенциале и т.д.: “Стремительная визуализация современной культуры ставит новые задачи перед лингвистикой. Сугубо вербальные произведения занимают все меньшее место в массовой коммуникации. Изобразительный ряд превращается из подчиненного источника информации в равноправный компонент текста. Книга утрачивает свои позиции в дискурсе развлечений, ее вытесняет кинотекст. Это делает ускоренный процесс интеграции лингвистики и семиотики неизбежным” [оборот обложки издания].

Акцентируя в своем исследовании ценностную составляющую концепта вообще и концепта кинотекста в частности, Г. Г. Слышкин и М. А. Ефремова выделяют в ней два аспекта: оценочность и актуальность. Под первой они понимают “общую оценочность кинотекста как применимость к имени концепта кинотекста оценочных эпитетов”, а под второй – “многоуровневое образование, включающее актуальность кинотекста как коммуникативного целого, актуальность языковой формы кинотекста, характерологическую актуальность кинотекста, сюжетную актуальность кинотекста, тематическую актуальность кинотекста, проблематическую актуальность кинотекста” [1, 59]. Все названные аспекты находят отражение и в оглавлении книги.

© Гришаева Л. И., 2006

Книга открывается предисловием [1, 4–5], в котором авторы характеризуют кинотекст как один из видов креолизованных текстов, который выполняет в массовой культуре ряд весьма значимых функций. Ряд функций авторы далее довольно подробно комментируют, в частности: способность быть поставщиком моделей поведения для среднего носителя современной культуры, а также источником большого количества реминисценций (цитат, аллюзий, упоминаний) в повседневной коммуникации [1, 4]. Здесь же авторы обосновывают выбор материала своего лингвистического исследования – прецедентные кинотексты различной жанровой принадлежности (комедия, приключения, военный фильм, мелодрама, мультфильм) из советской эпохи, справедливо подчеркивая оправданность своего текстолингвистического интереса не к маргинальному явлению “элитарное кино”, а к массовому фильму, ставшему поистине неотъемлемой частью коллективной культурной памяти всех представителей отечественной культуры.

Учитывая то, что кинотекст порождается в процессе многократной семиотической трансформации [1, 25] и что объектом научного интереса становится прецедентный текст, подобное решение авторов монографии можно только приветствовать. Это связано с тем, что изучение того, как бытуют в культуре прецедентные тексты, требует особых подходов, поскольку прецедентные феномены значимы в познавательном и эмоциональном отношении, имеют надличностный характер, неоднократно используются в культуре на протяжении нескольких поколений. Массовое кино, с одной стороны, не может не содержать такого рода образования и, с другой стороны, потенциально легко может стать источником новых прецедентных текстов.

Первая глава “Концептологический подход к изучению кинотекстов” [1, 6–53] обсуждает наиболее значимые с точки зрения авторов монографии подходы к определению текста. В ней сравнива-

ются два вида текстов: тексты, закодированные одним – вербальным – способом, и несколькими – вербальным и невербальными. В этой главе последовательно и в лаконичной форме анализируется специфика реализации текстовых категорий в креолизованном кинотексте и предлагается определение кинотекста как лингвистического феномена [1, 32]. Завершается глава рассуждениями о концепте кинотекста, трактуемом как культурно детерминируемое представление о кинотексте, имеющее место в сознании носителя языка и активируемое в коммуникации: “...ментальное образование, представляющее собой структурированную совокупность минимизированных (в связи с ограниченностью ресурсов памяти и сознания) и лично детерминированных представлений о тексте, включая связанные с ним коннотации” [там же]. При этом авторы полагают, что не всякий текст формирует концепт; условием формирования концепта текста, по Г. Г. Слышкину и М. А. Ефремовой, является его ценностная значимость [1, 41].

Вторая глава “Лингвокультурная специфика концептов кинотекстов” [1, 55–109] – это, по сути, изложение результатов экспериментального исследования пяти отечественных прецедентных кинотекстов, известных трем категориям реципиентов, различающихся между собой не только личностной, но и коллективной идентичностью и представляющих собой два культурных типа: а) носители породившей эти кинотексты советской культуры (т.е. современное старшее поколение представителей отечественной культуры, составляющее в нашей стране на сегодняшний день подавляющее большинство), б) носители постсоветской культуры (т.е. представители иной возрастной категории носителей отечественной культуры), в) носители китайской культуры, изучающие русский язык (см. подробную характеристику респондентов [1, 55–56]). Названным категориям респондентов авторы предложили вопросник [1, 56–57], анализ ответов на которые подробно излагается на последующих страницах книги.

Избранный авторами подход к изучению, думается, оправдан прежде всего в плане обоснования прецедентности рассматриваемых кинотекстов, что имеет значение не только применительно к конкретным анализируемым кинотекстам, но и к описанию прецедентных феноменов в частности. Обобщение наблюдений за результатами экспериментального исследования позволяет авторам выделить различные уровни в анализируемом материале и тем самым дать текстолингвистически и

когнитивно обоснованную феноменологическую характеристику изучаемому явлению в целом (см. название аспектов выше).

Каждая из глав завершается выводами [1, 53–54, 109–110], которые с достаточной полнотой, детальностью и ясностью подводят итог размышлениям на предыдущих страницах книги. Такой способ обобщения научно значимых результатов предоставляет авторам возможность сделать Заключение к книге весьма лаконичным [1, 111–112].

Разделом, равноправным с теоретической частью книги, следует рассматривать раздел Приложение, имеющее название “Модели концептов советских кинотекстов в сознании носителей советской, постсоветской и китайской культур (результаты экспериментального исследования)” [1, 128–152], поскольку обращение к данному разделу дает читателю возможность последовательно следить за логикой развития авторской мысли и формировать свое отношение к их выводам как теоретического, так и практического характера.

Теоретические выкладки богато иллюстрированы практическим материалом и снабжены большим количеством таблиц (всего их 21), в которых обобщаются данные и по лингвистически значимым аспектам анализа, и по культурологически важным позициям. Так, анализ частотности обращения в дискурсе к крылатым словам со стороны представителей различных категорий респондентов позволяет авторам сделать интересный вывод о межпоколенческих различиях представителей одной культуры при их обращении к одному и тому же прецедентному феномену: “...для большинства советского поколения характерно активное владение киноцитатами, а для значительной части носителей постсоветской культуры – пассивное” [1, 83]. Между прочим, такие наблюдения и обобщения свидетельствуют о том, сколь важные данные лингвистика может дать специалисту, изучающему человека с психологической, социологической, культурологической точек зрения. Другими словами, подобные исследования на новом, весьма специфическом, материале доказывают, что для современной лингвистики характерны такие тенденции: (а) дальнейшее расширение объекта исследования за счет включения в эмпирическую базу не только маргинальных лингвистически релевантных явлений, но и новых эмпирических областей приложения лингвистического интереса при обращении к смежным с лингвистикой наукам; (б) выход за собственно лингвистические пределы в гуманитарном знании и активное вовлечение в линг-

вистическое описание иных закономерностей, что, вне всякого сомнения, повышает объяснительную силу и самих лингвистических теорий; (в) все более тесное и последовательное интегрирование лингвистических данных с данными других наук (и не только гуманитарных); (д) акцентированное изучение функционирования языковых средств как использования коммуникантами языка в целях кодирования разнородных сведений о мире и их трансляции от человека к человеку в разных дискурсивных условиях; (е) изучение функционирования языка (и его использования) на фоне других кодов, с помощью которых фиксируются знания о мире.

Хотелось бы обратить внимание потенциальных читателей рецензируемой книги на ряд положений, которые представляют интерес главным образом с теоретической точки зрения. Так, авторы, критически анализируя известные по работам Ю. Н. Караулова критерии прецедентного текста, по всей видимости, разграничивают, с одной стороны, феноменологическую характеристику изучаемого текстолингвистического феномена и, с другой стороны, существование прецедентного текста в культуре и обращение к нему со стороны того или иного коммуниканта: “Эксплицитную коммуникативную апелляцию к прецедентному тексту обычно выбирает языковая личность с высокой языковой компетенцией и склонностью к языковой игре” [1, 45]. Очевидно, что приведенное различие отдельных аспектов в бытовании изучаемого феномена целесообразно и продуктивно. Однако объяснение этому они видят в том, что “третий признак прецедентного текста в определении Ю.Н. Караулова обладает свойством латентности и может ни разу не проявиться в дискурсе конкретной языковой личности, тогда как текст останется для нее прецедентным, а участие в коммуникации – полноценным” [1, 45], – что представляется весьма дискуссионным, поскольку Ю. Н. Караулов при назывании критериев прецедентных текстов, очевидно, не имеет в виду индивидуальное обращение конкретного коммуниканта к тому или иному прецедентному тексту, в то время как для авторов рецензируемой монографии данный аспект анализа прецедентного текста является особенно важным (см. в приведенной цитате фразу “в дискурсе конкретной языковой личности”).

Думается, что в приведенных рассуждениях Г. Г. Слышкина и М. А. Ефремовой один критерий прецедентного текста, по Ю. Н. Караулову, неоправданно противопоставляется двум другим, пос-

кольку, во-первых, все названные Ю. Н. Карауловым характеристики изучаемого феномена латентны уже по своей природе, образуют комплекс; они не расчленимы в коммуникации, не исключают одна другие и не осознаваемы как таковые “наивным” носителем языка и культуры ни при активном, ни при пассивном обращении к прецедентному феномену со стороны коммуниканта. Выделенные характеристики вычлениются только при специальном целенаправленном анализе и осознаются как таковые исследователем, что особенно важно учитывать, так как жизнь прецедентного текста в культуре может охватывать тысячелетия. Если же коммуникант в своей дискурсивной практике не обращается активно к прецедентному феномену как средству реализации своей интенции, это еще не означает, что он не владеет соответствующим прецедентным феноменом. В противном случае коммуникант будет извлекать информации из словоформ, опираясь на сугубо структурные закономерности, но не сумеет извлечь конвенциональную семантику из высказывания, использованного в некоторых дискурсивных условиях, и не сможет адекватно расшифровать информацию, вложенную в сообщение адресантом. Это и есть доказательство того, что к прецедентному тексту языковая личность обращается неоднократно, как утверждал Ю. Н. Караулов, характеризуя способность прецедентного текста быть маркером принадлежности к культуре или отторженности от нее того или иного носителя языка (см. подробнее приводимое мнение в коллективной монографии “Феномен прецедентности и преемственность культур”, Воронеж: ВГУ, 2004, особенно матрицу “Типология прецедентных феноменов в дискурсе” на с. 36–39, а также с. 300–306, а также ряд других изданий авторов приведенной коллективной монографии). Представляется, что вывод о различии, с одной стороны, между двумя категориями носителей отечественной культуры и, с другой стороны, между носителями русской и китайской культуры при интерпретации и использовании прецедентных кинотекстов свидетельствует также о том же.

Продуктивным является, на мой взгляд, и предложение Г. Г. Слышкина и М. А. Ефремовой дополнить критерии отграничения прецедентных текстов признаками “ценностная значимость в течение относительно короткого промежутка времени” и “ценностная значимость для сравнительного узкого круга лиц” [1, 40]. Важным представляется также акцент на то, что аксиологический знак не имеет жесткой корреляции с прецедентностью

феномена как таковой (см. рассуждения [1, 40]). (К аналогичным выводам приходят авторы коллективной монографии “Феномен прецедентности и преемственность культур”).

Интересной с теоретической и практической точки зрения является разработанная авторами рецензируемой монографии классификация кинотекстов, созданная в опоре на общетекстовые (см. подробнее о них [1, 29–32]) признаки [1, 37–39]: 1) по адресату с выделением отдельных признаков: по возрастному критерию (детский – семейный – взрослый), по степени закрытости (массовый – элитарный); 2) по адресанту (профессиональный – любительский); 3) по степени оригинальности сценария (оригинальный – переработка литературной или кинематографической основы – развитие (продолжение) литературной или кинематографической основы) (хорошо разработанный, обилие персонажей, наличие недоговоренностей в сюжете); 4) по жанру; 5) по ценности для данного лингвокультурного сообщества (прецедентный – непрецедентный).

В целом можно сказать, что рецензируемая монография содержит интересные наблюдения и значимые обобщения, многие из которых дискуссионны, что свидетельствует как о серьезности

вклада авторов в дальнейшую разработку теории прецедентности, так и о сложности рассматриваемой проблематики. Хотелось бы также заметить, что можно было бы включить в круг рассмотрения еще несколько работ по проблемам прецедентности текста, поскольку ряд затрагиваемых в монографиях проблем уже имеют другое решение и свою систему аргументации; поэтому дискуссия о критериях выделения прецедентных текстах и о принципе анализа этих феноменов в дискурсах разного типа представляла бы особый интерес.

Полученные Г. Г. Слышкиным и М. А. Ефремовой результаты анализа эмпирического материала и теоретические обобщения дополняют существующие представления о сущности прецедентных феноменов, их функциях в различных типах дискурса, а также о критериях отграничения прецедентных феноменов. Последний результат особенно важен, поскольку отсутствие умения распознавать прецедентные феномены негативно сказывается на исходе как внутрикультурного, так и межкультурного взаимодействия.

Таким образом, очевидно, что книга Г. Г. Слышкина и М. А. Ефремовой будет интересна специалистам различного профиля и прежде всего лингвистам и лингвокультурологам.